

АНДРЕЙ ПОПОВСКИЙ

КНИГА 3

ТРЕТИЙ РАУНД

КАРАТИЛА

Каратила

Андрей Поповский

Каратила. Книга 3. Третий раунд

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Поповский А.

Каратила. Книга 3. Третий раунд / А. Поповский —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Каратила)

Кривые дорожки выводят на кривые пути, и тюрьма становится следующим этапом жизни Егора. Не верь, не бойся, не проси - истину этих слов главный герой познает на собственной шкуре, но при этом остается бойцом и человеком, несмотря на все испытания, выпавшие на его долю...

© Поповский А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	20
-----------------------------------	----

Андрей Поповский

КАРАТИЛА

Книга 3

ТРЕТИЙ РАУНД

Москва, Внуково, август 1994 года

Небольшая четырехместная камера Внуковского ИВС была оборудована двумя двухъярусными стальными шконками, стоящими у противоположных стен – прямо друг напротив друга. Тоненькая струйка холодной воды, чуть слышно дребезжа, бежала из древнего крана с одиноким обломанным вентилем в сильно ободранную жестяную эмалированную раковину, слив из которой шел прямо в отхожее место, разместившееся за невысокой, приблизительно по грудь, кирпичной перегородкой у самой двери. Из маленького квадратного окошка, наглухо заваренного стальным листом, со множеством хаотично просверленных в нем мелких круглых отверстий, откуда-то с воли тонкими косыми лучами едва-едва пробивался дневной свет. Робкие лучики полуденного солнца наискось пронизывали полумрак, по пути выхватывая легкие пылинки, хаотично кружащиеся в спертом и смрадном воздухе закрытого тесного помещения, и ложились на темный бетонный пол, образуя на нем причудливое переплетение света и тьмы. Над толстой, обитой листовым железом дверью с неременными кормушкой для арестантов и глазком для контролеров, у самого потолка одиноко горела тусклая сороковаттная лампочка, наглухо закрытая толстым проволочным плафоном, а вечно сырые серые стены, покрытые грубой бетонной шубой, навевали дикую тоску.

На небольшом свободном пятачке камеры, светловолосый, высокий, мускулистый парень, на котором из одежды были только черные трусы-боксеры и легкие тапочки на ногах, весь мокрый от пота, как заведенный наработывал на воображаемом противнике одну и ту же боевую связку. Резкий удар ладонью в пах, рывок обеими руками за голову с мощным ударом коленом в лицо – пригибание головы противника и следом, жесткий добивающий удар основанием кулака в затылок. По всей видимости, он так занимался уже давно, но его дыхание оставалось ровным и спокойным, а каждое движение было выверено до мелочей. Все его гибкое и сильное тело двигалось в едином слаженном ритме, так что, глядя на это со стороны, можно было подумать, что в тесном пространстве камеры работает какой-то диковинный промышленный робот или киборг, монотонно, раз за разом, повторяющий одну и ту же комбинацию движений. Лишь крупные капли пота, время от времени, срывавшиеся с его блестящего и перевитого тугими жгутами мышц тела, давали понять постороннему наблюдателю, что это все же не киборг, а живой человек.

На нижней шконке, аккуратно застеленной черным мохнатым одеялом, с изображенным на нем выходящим из зарослей тигром, лениво перекидывались в карты двое его сокамерников. Карты были не какими-нибудь кустарными самоделками склеенными из листов резаной газетной бумаги и жеванного хлебного мякиша, нет – это были самые настоящие игральные карты фабричного изготовления.

Ближе к двери сидел Ганс – профессиональный вор-карманник, буквально еще недавно промышлявший в аэропорту. Он по-глупому сгорел всего пару дней назад. Заранее вычислив жертву в толпе отлетающих пассажиров, Ганс аккуратно пристроился к толстой тетке, стоявшей в длиннющей очереди на регистрацию. Окинув окружающее пространство цепким натренированным взглядом и не почувствовав никакой опасности, он отточенной как бритва монетой разрезал дамскую сумочку, висевшую у той на плече. Затем, еще раз бросив пару быстрых, как молнии, взглядов по сторонам, и перекрыв корпусом обзор, он своими длинными и лов-

кими пальцами аккуратно, на ощупь, успешно выудил из сумочки дорогой черный кошелек из мягкой кожи... и был тут же взят с поличным двумя дюжими оперативниками, незаметно пасшими его самого начала. Резкий выкрик:

– Стоять на месте! Милиция!

Заставил душу Ганса опуститься в пятки. Оперативники уголовного розыска в этот день проводили свою операцию без согласования с местными милиционерами, за соответствующую мзду закрывавшими глаза на шалости Ганса и нескольких его собратьев по профессии, и поэтому, предупредить карманников об опасности было некому.

Тетка, узрев как двое дюжих мужиков в белых рубашках с короткими рукавами заломили руки за спину пристроившемуся к ней сзади «студентика», поначалу было попыталась вступить за «бедного мальчика», но, увидев свой кошелек, валявшийся на полу и нащупав порез в своей дорогой сумочке, она резко поменяла свое мнение о происходящем, заорав на весь зал «Люди! Да что же это такое делается то, а?! Караул ограбили!».

Так Ганс и оказался там, где он находился в настоящее время. На допросах он преимущественно молчал, меланхолично ковыряя холеным ногтем стол допрашивающего его опера так, чтобы тот не видел. Выпутаться без потерь из своего положения он особо не рассчитывал и молчал чисто из блатного форса. В его ситуации все было предельно ясно, ну а зона его совершенно не пугала – не в первый раз, и, надо думать, не в последний. Подумаешь, отдохнет пару-тройку лет на даче у хозяина, а потом обратно за дело. Выглядел Ганс как классический карманник – худой и сутулый, с вечно шныряющими по сторонам шустрыми маленькими глазками болотного цвета и тонкими музыкальными пальчиками. Эти пальчики его и кормили, они были способны не только незаметно выудить у очередного лоха из кармана тугой лопатник с деньгами, но и снять с разбитной молодки нижнее белье так, чтобы та ничего не почувствовала и даже не заподозрила. С таким криминальным талантом нигде не пропадешь. Сейчас Ганс был одет в оттянутые на коленках синие спортивные треники, заправленные в черные носки и в полинявшую от частых стирок зеленую майку, которая болталась на нем как на шесте, так как была минимум на два размера больше чем нужно. Закинув ногу на ногу и опершись своей согнутой колесом спиной о шершавую стену, он опустил руку с картами себе на колено, и, прикрыв хитрющие глаза, терпеливо ждал следующего хода своего оппонента.

Его соперником по игре в карты был Витос – наголо бритый широкоплечий крепыш с массивным перебитым в драке носом. Его волосатые мускулистые руки, густо перевитые толстыми венами, внушительно выпирали из-под закатанных до середины бицепса рукавов синей клетчатой рубахи, расстегнутой почти до самого пояса.

Витос оказался в камере, как он сам утверждал, чисто по недоразумению. Просто его хороший приятель, с которым они пару недель назад собирались вместе поехать в баню, уговаривал его по пути завернуть в одно тихое местечко, чтобы там перекинуться парой тройкой слов с бабой, которая была должна тому кучу денег. Как оказалось, на квартире у этой бабы их уж ждал областной РУБОП, куда от упомянутой выше гражданки поступило заявление о вымогательстве. Самое забавное было в том, что в камеру ИВС закатали только Витоса, который откинулся с зоны всего несколько месяцев назад, где он чалился за дерзкое нападение на инкассаторов. Его горе-приятель, ранее проблем с законом не имел, и до суда тот отделался только подпиской о невыезде. Теперь Витос, вспоминая как он здесь оказался, последними словами крыл своего приятеля, эту бабу и рубоповцев, крепко помявших его при задержании.

На верхнем ярусе второй шконки выводил затейливые рулады носом еще один обитатель этой камеры. Это был Степа – молодой здоровенный парняга, приблизительно двадцати лет от роду, обладавший огромными пудовыми кулачищами и каким-то до невозможности детским и наивным лицом. Степа, совсем недавно дембельнувшийся из тульской дивизии сержант десантник, вместо того чтобы поехать домой в родное село под Воронежем, внезапно по какому-то наитию решил остаться в Москве, куда он завернул всего на недельку, чтобы наве-

стить своего сослуживца. Устроившись работать на стройку и поселившись в общежитии, он по пьяни подрался с двумя армянами – своими соседями по этажу, и крепко им навалил. Один из обиженных на Степу джигитов, пока его приятель отдыхал на полу, быстренько сбегал к себе в комнату за огромным кухонным ножом и решил было продолжить так неудачно начатое выяснение отношений. Степа, не будь дураком, не дал тому себя зарезать, а отобрав у противника нож, в каком-то помутнении рассудка, всадил его своему противнику в живот. Приехавший по вызову обеспокоенной общественности наряд ППСников скрутил не сопротивлявшегося Степу и доставил его в отделение милиции, откуда его вскоре переместили прямиком ИВС. На допросах у следователя Степа только удивленно хлопал своими голубыми, как небо, глазами, и разводил руками, искренне не понимая, за что же его задержали. Он абсолютно не чувствовал за собой никакой вины, ведь в той роковой драке он только защищался...

– Эй, каратила – залихватски цыкнул выбитым при задержании передним зубом Витос, искоса бросив взгляд на тренировавшегося в центре камеры парня – да отдохни хоть чуток, ты тут уже второй час руками и ногами воздух разгоняешь. Лучше бы пожрал то, что от вчерашней Гансовской дачки осталось, мы с пацанами с утра специально не стали доедать, тебе оставили...

– Сейчас, Витя, заканчиваю – парень улыбнулся ему в ответ и, закинув обе ноги на шконку, встал на кулаки и начал быстро отжиматься от пола.

– Вот ведь чудила – обратился Витос к Гансу, все еще меланхолично ожидающему его ответного хода – вторую неделю тут с ним парюсь, а он все еще никак не уgomонится. В день, наверное, раз по пять тренируется, ну никак не меньше. Мы с ним поначалу, дней десять, на пару в двухместной хате сидели. Глядя на него, я было думал, что он на второй-третий день бросит это дело, ан нет, держится пока еще. А когда не тренируется, то скрестит ноги по-турецки, и потом сидит как бельмондо¹ с закрытыми глазами и все улыбается. Я как первый раз увидел, ну все, думаю, приплыл парень, ща мусора просекут и на дурку его отправят... А потом ниче, привык и перестал обращать внимание...

Ганс равнодушно пожал плечами – типа мало ли, какие закидоны бывают у человека.

– Нет, Егор, ну ты мне скажи – Витос, забыв про игру, снова повернулся к парню, покрытому мелкими бисеринками пота, все так же продолжающему быстро отжиматься на костяшках кулаков – Вот чего ты лыбишься, когда так сидишь с закрытыми глазами, а?

– Отрабатываю упражнение «внутренняя улыбка» – сдавленно ответил ему тот, не прекращая своих отжиманий.

– Какая еще такая улыбка?

– Я улыбаюсь самому себе и всему миру вокруг.

– Зачем? – оторопел Витос.

– Чтобы поднять себе настроение и вытеснить прочь дурные мысли.

– Ну и что ты при этом ощущаешь, вот на хрена тебе эта мутотень? – не унимался Витос.

Егор закончил отжимания, пружинисто вскочил с пола, взял две двухлитровые пластиковые бутылки из-под пепси-колы, доверху наполненные водой и стоявшие около стенки, и пошел к отгороженному кирпичной стенкой отхожему месту. Искоса посмотрев на Витоса, с неподдельным интересом ожидавшего его ответа, он рассмеялся.

– Ощущаю покой, умиротворение и даже счастье от того, что живу на этом свете.

– Нет, ну ты понял Ганс, значит пацан-первоход, уже две недели парится в хате и скоро загремит на полную катушку, лет эдак на пять-семь, и при этом он, видишь ли, ощущает покой и умиротворение. Вот бы мне когда-нибудь так научиться, тогда никакой водки и ширева на фиг не надо, сел себе тихонько на шконку, скрестил ноги, закрыл глаза и закайфовал!

---

¹ Сумашедший (жарг.)

– Ты давай меньше базлай, а либо тяни еще, либо вскрывайся сейчас, между прочим, твой ход – беззлобно буркнул ему Ганс, пропустивший весь этот диалог мимо ушей – долго я еще ждать буду?

– А, ну да – спохватился Витос и небрежно кинул карты на одеяло – у меня девятнадцать, теперь ты вскрывайся.

– Двадцать! – Ганс, скинув с себя маску равнодушия, торжествующе ухмыльнулся и вскрыл свои карты.

– Блин, ну сколько ж можно... – тяжело вздохнул Витос, покорно подставляя свой лоб под тяжелый щелбан мосластого Гансовского пальца с прокуренным желтым ногтем.

Егор, уже раздевшись, расставив ноги, встал над сливом отхожего места, и теперь громко фыркая, аккуратно, чтобы не брызгать по сторонам, одной рукой поливал голову и тело чуть теплой водой из двухлитровой пластиковой бутылки, а другой рукой смывал с себя липкий едкий пот. Закончив принимать этот импровизированный душ, он насухо растерся потрепанным вафельным полотенцем и, одевшись в старые черные треники и серую футболку с надписью «Lee», сел на свою шконку, выпрямив спину и скрестив ноги по-турецки. Витос, увидев эту, уже наизусть знакомую ему за пару недель картину, головой молча указал Гансу, вновь тасовавшему карты, на застывшего в медитации Егора и заговорщически подмигнул. Тот равнодушно скользнул взглядом и по противоположной шконке и снова безразлично пожал плечами. Мало ли кто как с ума сходит – имеет право.

Закрыв глаза, Егор начал медленно дышать животом, считая свои выдохи, и успокаивая дыхание. Через некоторое время он отключился от происходящего и впал в легкий транс.

* * *

Серебристый воздушный лайнер, обогнув Юго-Западную окраину Москвы, завершил разворот и вскоре, выпустив шасси, пошел на посадку. Егор лениво смотрел в свой иллюминатор на длинную взлетную полосу, расчерченную по центру прерывистой белой линией, приближавшуюся к нему с каждой секундой. Вскоре последовал мягкий толчок, и самолет, немного покачнувшись, мягко побежал колесами по гладкой бетонной полосе. Мимо быстро мелькали лампы подсветки, а вдалеке, сквозь знойное августовское марево, виднелось невысокое здание Внуковского аэропорта. Бешено взревели включенные на реверс двигатели, и самолет затрясся как в лихорадке. Егор, устало закрыв глаза, откинулся на спинку сидения, с затаенным удовольствием думая о теперь уже скорой встрече с Линой. Он специально не сообщил ей о своем сегодняшнем прилете, потому что хотел появиться перед любимой девушкой внезапно и получить законное удовольствие при виде вспыхнувшей в ее колдовских зеленых глазах радости от неожиданной встречи. Последние несколько месяцев выдались для него достаточно тяжелыми, но теперь все прошлые проблемы, вроде бы, были уже разрешены, и он собирался с головой окунуться в новую жизнь, навсегда оставив гнетущие воспоминания далеко позади.

Невозвращенный банку кредит, гибель Закира, последовавшая за этим кровавая вендетта, и окончательный расход с Мариком, для него теперь были уже не прожитыми кусками его собственной жизни, а просто главами из прочитанной когда-то книги, с главным героем которой его связывали только общие воспоминания.

Самолет уже давно закончил рулежку и теперь стоял неподалеку от здания аэровокзала. К нему пристыковали трап, но командир корабля по громкой связи попросил всех пассажиров, торопившихся покинуть борт, пока оставаться на своих местах. В салоне раздался недовольный ропот особо нетерпеливых, которые спешили поскорее покинуть самолет и погрузиться в сутолоку и хаос столичного аэропорта. Погруженный в свои грезы Егор не заметил, как легкими пружинистыми шагами по трапу в самолет поднялись трое крепких молодых людей, хотя со своего места у иллюминатора он должен был бы их увидеть довольно отчетливо. Мужчины

на несколько мгновений задержались на входе, чтобы что-то узнать у испуганной стюардессы, выскочившей им на встречу. Задав ей несколько вопросов, они решительно двинулись в глубь салона и остановились прямо напротив кресла Егора.

– Гражданин Андреев?

Егор, выпав из иллюзорного мира, недоуменно уставился на высокого светловолосого мужчину с квадратной челюстью, буравившего его своими холодными синими глазами.

– Да, это я, а в чем собственно дело?

Мужчина отработанным жестом вскинул раскрытую красную книжицу, и, на мгновение задержав ее перед глазами Егора, тут же опустил руку с удостоверением вниз.

– Уголовный розыск. Вам сейчас придется пройти с нами.

Все головы пассажиров вокруг с каким-то болезненным интересом уставились на Егора, сохранившего на лице полную невозмутимость, хотя внутри у него все мгновенно оборвалось.

– Да, конечно – он вопросительно улыбнулся сидевшей рядом с ним женщине, испуганно сжавшейся в своем кресле – Извините, вы мне позволите пройти?

Женщина, не произнеся не слова, немедленно встала, выпуская сидевшего у окна Егора. Тот вышел в проход, и потянулся было наверх, за своей сумкой с вещами.

– Не надо, ваши вещи заберут потом – вежливо, но твердо остановил его один из оперативников, положив ему руку на плечо. В следующее мгновение, на обеих руках задержанного защелкнулись стальные наручники. Это мгновенно вызвало у него болезненный укол воспоминаний о недавнем заточении в подвале, которое, чуть было, не завершило его жизненный путь. Тогда его похитили и заперли там бандиты Жоржа – брата Черы, расстрелянного в отместку за гибель Закира. Егор, сделав невозможное, в тот раз, все же сумел вырваться из плена. Теперь история повторялась, но сейчас свободы его лишало уже государство, которое неизмеримо сильнее любой, даже самой крутой банды и зачастую в нашей стране выполняет аналогичные бандитским функции – делить и отнимать.

– Давай топай на выход – подтолкнул его в спину коренастый мощный парень в синей джинсовой куртке – и не вздумай дернуться, а то не обрадуешься...

Егор, и не думавший сопротивляться, в сопровождении своих дюжих конвоиров вышел из самолета и медленно спустился по скрипевшему под ногами трапу. Он уже понял, что сегодня не попадет к Лине, и теперь уже никуда не торопился, жадно вдыхая ставший вдруг очень сладким воздух только что отобранной у него свободы. Его сразу же посадили на заднее сидение в белую шестерку, стоявшую тут же, у самого трапа. Двое оперативников зажали его с обеих сторон, а третий сел рядом с водителем и небрежно кивнул тому головой.

– Коля, давай гони в управление.

* * *

Забранное снаружи толстой решеткой и засиженное мухами мутное окно было покрыто пылью и грязными дождевыми потеками. Его не мыли, наверное, еще с прошлой зимы. Картину неухоженности казенного помещения дополняли ободранный плакат с демонстрирующим мощный бицепс Шварцнегером на облупленной, выкрашенной синей масляной краской стене, грязный затоптанный пол с валяющимися на нем обгорелыми спичками, и давно некрашенная проржавевшая батарея под окном. В маленькой комнатке за обшарпанным желтым столом, заваленным кучей разных бумаг, сидел красномордый детинушка в форме лейтенанта милиции и, высунув от усердия язык, старательно заполнял опись вещей, изъятых у задержанного. Егор стоял рядом и тоскливо смотрел в окно на пыльный внутренний двор, по которому деловито сновали шустрые воробьи, жирные голуби и безликие люди в серой милицеской форме. Позади него стоял ражий пузатый сержант и, громко отдуваясь, время от времени зевал, деликатно прикрывая ладошкой свою огромную и зубастую, как у акулы, пасть. Скукота

да и только, за время его службы сколько было таких вот задержанных, большинству из которых навсегда суждено сгинуть в недрах исправительно-трудовых учреждений – и не сосчитать.

– Тищенко, блин, да прекрати ты зевать – наконец не выдержал лейтенант, на секунду оторвавшись от своей писанины и укоризненно посмотрев на сержанта – не видишь, я тут делом занимаюсь, а ты своей зевотой после обеда мне только сон нагоняешь.

– А чо я, сами же знаете, товарищ лейтенант, что я сегодня с ночи – обиженно надув толстые губы пробурчал себе под нос Тищенко. – вечно Тищенко, Тищенко. Хучь бы с ночи отдохнуть чуток дали...

– Так, прочитай, подпиши здесь и давай вытаскивай ремень из брюк и шнурки из кроссовок – брезгливо бросил лейтенант Егору и снова повернулся к сержанту – Проверь там все у него и отведи откатать пальчики, а потом закрой его в четвертую.

– А что, его допрашивать не будут? – недоуменно поинтересовался Тищенко, после того как проверил, чтобы у задержанного при себе не осталось ничего недозволенного.

– Да на хрен он кому тут нужен, у нас и своих гавриков хватает – досадливо махнул рукой лейтенант – его сегодня опера прямо с самолета сняли. Он из Осетии сегодняшним рейсом прилетел, его там в федеральный розыск объявили – мошенник, причем в особо крупном раз-мере, это тебе не хухры-мухры... Там местные дуболомы на полетном контроле его про-шля-пили, хорошо хоть, что потом сюда догадались сообщить. Будет тут теперь у нас куковать, пока за ним либо оттуда не приедут, либо не переведут в Серпухов...

Через пять минут за Егором с противным скрипом закрылась дверь камеры, и он остался там совершенно один. В тесном, три на два, угрюмом помещении со стенами, покрытыми серой бетонной шубой, стояла одна двухярусная стальная шконка без признаков необходи-мой роскоши в виде матраса или там подушки и одеяла – только чистый, не обремененный излишествами блестящий металл. Рядом с дверью находился санузел, отгороженный от основ-ного помещения тонкой кирпичной перегородкой. Егор снял кроссовки и забрался с ногами на шконку, погрузившись в невеселые мысли о своей дальнейшей судьбе.

Прошрое, от которого он убегал, все же догнало его и властно, во весь голос, заявило о своих правах на его дальнейшую жизнь. Он, конечно, не был ангелом, и прекрасно осознавал, что за последние два года, в его жизни было немало такого, за что он вполне заслуженно мог бы оказаться за решеткой. Круто изменившаяся в стране жизнь не оставила ему особого выбора, заставив ступить на скользкую дорожку, да может быть и оставила – но он сделал неправиль-ный...

За все поступки в своей жизни рано или поздно приходится отвечать, и Егор был готов ответить, обидно было только то, что теперь он, скорее всего, навсегда потеряет Лину, которая, не дождавшись от него известий, подумает, что он ее бросил... Мысли Егора внезапно пере-скочили на Марика. «Вот ведь гад – они же договорились, что Егор выходит из общака, как и пришел, ни с чем, а взамен бригада берет на себя все обязательства по кредиту который был оформлен на Егора. Марик, пожадничав отдать деньги банку, в последнем разговоре заявил ему, что они без него разрулят всю ситуацию и банк не будет иметь к нему никаких претен-зий. Он не выполнил своего обещания, и за это когда-то ему придется ответить... Вот только когда это произойдет? Судя по тому, как разворачиваются события, это будет очень и очень не скоро...

Через непродолжительное время его грустные размышления о жизни прервал звук отры-вающейся двери, и к нему в камеру втокнули сильно избитого лысого парня в синих перепач-канных грязью джинсах и разорванной рубаше с почти полностью оторванным рукавом.

– Суки бля, мусора поганые, чтоб вы сдохли все козлы вонючие – злобно ругнулся тот разбитыми в кровь губами и обессилено опустил на шконку рядом с Егором.

– За что тебя так – подвинувшись, тихонько поинтересовался Егор, сочувственно уста-вившись на своего нового соседа.

– Да это меня мусора помяли. Рубоповцы – гоблины недоделанные – через силу усмехнулся тот.

– Будем, значит, знакомы, меня Егором зовут – Егор доброжелательно протянул соседу руку.

Тот внимательно посмотрел на него, и криво усмехнулся.

– В первый раз в доме оказался?

– Ну, не первый, – пожал плечами Егор, не опуская руки – второй, если честно. В первый раз я в камере надолго не задержался, вышел через три часа после задержания.

– А меня Витосом кличут, Виталиком значит – крепыш, наконец, протянул свою руку в ответ и тут же удивленно поднял брови – Ой, ну ты и жмешь краба, прямо как тисками.

– Извини, не рассчитал – виновато улыбнулся Егор.

– Спортсмен, наверное?

– Ага.

– Ты, Егор, братуха, тут в доме руки кому попало не тяни. Здесь тебе не воля – наставительно сказал ему Витос, разминая слипшиеся от рукопожатия пальцы – мало ли, кем я мог оказаться. Запомоился бы в один момент, и потом всю жизнь бы себе изгадил.

– Как это запомоился? – спросил Егор, удивленно подняв брови.

– Эх ты, сал-лага. – покровительственно улыбнулся Витос – В любом доме есть люди – это черная блатная кость, есть мужики – это основная масса арестантов, и есть разная там перхоть – чушкар и пидоры. Есть еще, конечно, красные или козлы, но они обычно в отдельных хатах сидят. Так вот, нормальные арестанты никогда не должны общаться ни с чушкарями, ни с пидорами: нельзя с ними здороваться, ломать вместе корянку – жрать то есть, нельзя пользоваться одной с ними посудой, иначе законтачишься и станешь таким же как они.

– Да, интересно тут у вас – удивленно покачал головой Егор.

– Теперь уже у нас. – ехидно хохотнул Витос – теперь тебе, братуха, надо побыстрее входить в курс дел, чтобы косяк какой не упороть по незнанке. Потому что, как говорят мусора, незнание законов не освобождает от ответственности. Так что интересуйся жизнью в доме, я тебе что сам знаю – расскажу, а там, глядишь, и еще кто подскажет...

– Слышь, Витос, ну с пидорами все понятно, а кто такие чушкар? – через время спросил Егор, устроившись на своем месте поудобней.

Витос причмокнул губами, задумчиво попробовал языком пустое место, где еще недавно был выбитый при задержании зуб, и, хитро подмигнув Егору, ответил.

– Это те, кто упорол какой-то косяк, либо просто разная блевотина, которая вообще за собой не следит. Ты чушкаря от честняги-арестанта сразу отличишь чисто по внешнему виду. Чушкарь, он и выглядит как чушкарь и занимается всякой хренью, типа драит в хате сортиры. Правда, из чушкарей иногда можно все же выйти обратно в мужики, если община так решит, но сделать это ой как не легко.

– А когда в хате нет ни пидаров ни чушкарей, тогда кто сортиры драит?

– Ну, путевым пацанам тоже не в падлу за собой убирать, это же наш дом и мы его поддерживаем в порядке – туманно пояснил Витос.

– А ты что, уже сидел?

– Не сидел, а топтал зону, или гостил на даче у хозяина, сидят только бабы на шершавеньком – наставительно поднял палец Витос – Я только несколько месяцев как откинулся. Четыре года от звонка до звонка в Пермском крае – это тебе не сахар.

– А за что так тебя угораздило?

– Здесь такие вопросы задавать не принято, мало ли кто с какой целью интересуется, но тебе, как своему пацану, скажу – было одно дело. Про ограбление инкассаторов в Москве в восемьдесят девятом слышал?

– Не-а.

– Ну как нет? – даже обиделся Витос – Это же громкое дело было, во всех центральных газетах еще тогда писали. Ограбили инкассаторов в центре, прямо рядом со сберкассой, там еще одного из инкассаторов наглушняк из ТТШника завалили.

– Да нет, я не слышал – виновато пожал плечами Егор – я сам не отсюда, а из Осетии, до нас эти вещи не доходят.

– Ну тогда понятно. Я в том деле водилой был, мне еще восемнадцати не было, поэтому, когда нас взяли, мне дали только четыре года, а остальных раскрутили по полной – кому десять, а кому двенадцать лет... Я поначалу год на малолетке прокантовался, а потом меня на взросляк на общий режим перевели. По сравнению с малолеткой, там был просто курорт.

– Да ладно тебе – недоверчиво хмыкнул Егор – разве к детям отношение в тюрьме не мягче, чем к взрослым?

– Да какой там хрен мягче – возмутился Витос, и, рывком поднявшись со шконки, возбужденно заходил по камере взад-вперед.

– Запомни, хуже малолетки нет ничего. Там, блин, сплошной беспредел творится, кто сильнее и наглее – тот и прав. Там петушнуть путевого пацана – просто как два пальца обосать. Видел бы ты, что мне увидеть пришлось – поседел бы. Хуже нет озлобленной и озверелой пацанвы, которую оторвали от родного дома и закрыли на зоне. У них всех там мозги совсем набекрень, понапридумывали себе понятий, таких, о которых на взросляке и слыхом не слыхивали. Про прописку на взрослых зонах уже почти везде забыли, а вот на малолетке эту традицию до сих пор блюдут свято. Или передадут тебе родаки с дому дачку с продуктами, а ты половину продуктов сразу на хрен выкидываешь, потому как, по малолетским понятиям, жрать их западло: колбасу – потому, что она на член похожа, помидоры – потому что они красные, пшено – потому что его петухи едят, яйца опять же есть нельзя... В общем, жизнь там – не приведи господь, каждый день по краю ходишь, все как волки друг на друга смотрят и думают, как тебя укусить, чтобы за счет тебя самим подняться.

– А на взрослых зонах что, лучше?

– Лучше, конечно, хотя это тоже, смотря куда попадешь. На черных зонах живется лучше всего, там все решает вор или положенец и там порядку больше. Мужики работают на промке, блатные, конечно, вообще не работают, им западло на хозяина вкалывать, но и мужиков они не особо донимают, потому что понимают – на мужиках вся зона держится. Опять же, при хорошем смотрящем грев с воли идет регулярно – чай, сигареты, сахар и прочая лабуда. Вор держит общак, разруливает дела с администрацией, решает все спорные вопросы между арестантами, не допускает беспредела, в общем – заботится об общем благе... Мне лично пришлось весь срок кантоваться на красной зоне, там смотрящего не было и всем козлы заправляли...

– А кто такие козлы?

– Козлы, или красные – это такие же зеки, но которые работают на администрацию – активисты типа. За это им дают разные поблажки на самой зоне, а потом, после того как пройдет половина срока, могут выпустить по УДО – условно досрочному освобождению. Козлам на мужиков наплевать, чтобы выслужиться перед «кумом» и Хозяином, они будут их гнобить, лишь бы те план делали и левак на пользу Хозяину гнали. На красных зонах и администрация больше арестантов зажимает, и сами козлы чаще беспредельничают, а черную масть там на дух не переносят, настоящие блатные и отрицалы там из ШИЗО не вылазят.

Витос наконец остановился и, присев на корточки, нагнулся, с интересом заглянув под шконку.

– А ну-ка, что там у нас есть? – с этим возгласом он подсел еще пониже, и опершись правой рукой об пол, левой выгреб из под шконки черную, полностью закопченную мятую алюминиевую кружку, пустой пластиковый шприц и несколько засохших мятых окурков.

– Опа, смотри ты – обрадовался он и, брезгливо отбросив в сторону использованный шприц, начал вертеть в руках кружку – сейчас мы по-шуструму пробьем соседние хаты и

попросим здешних бродяг подогнуть нам чаю – чифирь с тобой на пару замутим. У тебя спички или зажигалка есть?

Витос, не вставая с корточек, вопросительно посмотрел на Егора, который без особого энтузиазма смотрел на его действия.

– Нет, я не курю.

– Хреново, мою зажигалку и сигареты мусора при шмоне забрали. Ладно, попросим братву, они нам заодно и спички подгонят.

Витос поднялся на ноги и стал стучать кружкой в стену.

– Эй соседи, отзовитесь, есть там кто?

Спустя несколько секунд ожидания из-за стены послышался приглушенный сиплый голос.

– Чего надо?

– Да я вот только с воли зарулил в эту хату, и сейчас на полных голяках. Не подсобите чаем и спичками?

– А ты кто сам будешь?

– Честный арестант.

– Не красный? – с некоторым сомнением спросил другой голос.

– Да нет, бродяги, я у хозяина всегда мужиком ходил. – Витос, хотя собеседники его видеть не могли, прижал руку к сердцу.

– А с тобой там кто? – дотошно уточнил сиплый.

– Первоход. Он нулевой, вообще пока тему не сечет.

– Ладно, у нас к вам дороги нет, потом чуток попозжа зашлем к вам пупкаря с гостинцем.

– И сигареток, если можно, парочку добавьте – обрадовался Витос.

– Ну, ты парень не промах! – раздался гогот за стеной.

– А то! – радостно осклабился Витос.

– Ладно, ждите, сделаем.

Через некоторое время в двери открылась кормушка и на шконку, на которой тихонько разговаривали Егор с Витосом, полетел бумажный сверток. Витос, мгновенно вскинувшись, поймал его на лету и сразу же развернул. В свертке лежало несколько сигарет, потрепанный коробок спичек и небольшой бумажный кулечек с гранулированным черным чаем.

– Ну, братуха, теперь живем – глаза Витоса радостно заблестели при виде открывшегося перед ним богатства.

Он подскочил к стенке, и постучав в нее кулаком громко крикнул.

– Душевно, бродяги.

– Кушай, не обляпайся – загоготали из-за стены.

Егор равнодушно пожал плечами, он пока еще был не в силах оценить, что же так обрадовало его соседа. Витос, бормоча что-то неразборчивое себе под нос, присел на шконку, и начал деловито скручивать листы бумаги в длинные трубки. Накрутив несколько таких трубок и скептически оценив полученный результат, он снял с себя рубаху, обнажив совершенно белое, не успевшее загореть тело с татуировками в виде оскаленного тигра на одном плече и грудистой русалкой закрепленной на якоре на другом. Потом он окончательно оторвал надорванный рукав своей рубахи и, разорвав его на полосы, скрутил их аналогично листам бумаги. После этого он подошел к раковине и, открыв кран, тщательно помыл кружку и набрал в нее воды. Обмотав ручку кружки куском разорванного рукава, он протянул ее Егору.

– На, будешь держать кружку, а я пока займусь огнем.

Егор молча взял кружку и присел на корточки рядом с Витосом. Тот зажег спичку и поджег от нее первую бумажную трубку, сунув ее горящим концом прямо под кружку с водой. Бумажная трубка горела ровным пламенем, и происходило это намного медленнее, чем если бы горел развернутый лист бумаги. Витос дождался, пока она догорит почти до конца, и тут

же рискуя обжечь себе кончики пальцев, поджег от нее вторую трубку, продолжая непрерывно нагревать воду в кружке. Израсходовав таким образом почти весь запас бумаги и несколько тряпок, он все же сумел вскипятить воду. После этого, отсыпав щедрую порцию чая в свою ладонь, он аккуратно высыпал гранулы в кипяток, накрыв кружку сверху оставшимся небольшим кусочком бумаги, и удовлетворенно кивнул Егору.

– Все, можешь, поставить кружку на пол, сейчас заварится и мы чифирнем с тобой на пару.

– Нет, это дело без меня, я не буду – отрицательно покачал головой Егор – что-то меня это дело совсем не вдохновляет.

– Это ты в натуре зря, в Дому и на зоне чифирь – это первое дело – осуждающе протянул Витос. – он и нервы успокаивает, и помогает общению. Без чифирия на зоне вообще не жизнь, а одно мучение...

– Нет, спасибо, я все равно не хочу.

– Ну как знаешь. Да, к слову, пока ты здесь в доме, или если на зону попадешь, ты слово «спасибо» забудь. Хочешь кого-то поблагодарить, скажи «благодарю» или «душевно», и тебя всякий поймет, а вот вольное «спасибо» у нас, братуха, не приветствуется.

– Ладно, попробую запомнить – усмехнулся Егор – сколько здесь у вас правил и традиций, никогда бы не подумал, что все так отличается от обычной вольной жизни.

– Да никаких особых правил нет – возразил Витос – здесь все как в жизни, только немного жестче, и расплата за косяк придет намного раньше. А так, вот тебе общие советы на будущее. Тюрьма – это наш Дом, и поэтому: не плюй в хате на пол и будь опрятным, всегда следи за своим внешним видом. Не ходи на очко, когда в хате кто-то ест. Заслали тебе с воли дачку – обязательно дай что-то на общак, пацаны поймут и оценят. Особенно следи за своей метлой – то есть никогда не болтай лишнего, и за все свои слова будь готов ответить. Это на воле ты спокойно можешь назвать какого-нибудь баклана «козлом», «сукой» или там «пидаром», и тебе за это ничего не будет, максимум дадут по роже. Здесь все это мастевые слова, и каждое такое слово тебе придется обосновать, так что три раза подумай, прежде чем ляпнуть что-то подобное. «Особисты» – те кто мотают срока на особом или строгом режиме, вообще говорят так как будто они каждое слово из себя клещами тянут – привычка. А куда денешься, если ты любым неосторожным словом можешь себе навсегда судьбу поломать. Про воровские дела лучше не болтай, ты еще много не знаешь и сдуру можешь вляпаться в блудняк. Вообще, поменьше болтай и побольше слушай, если идет какой-то серьезный базар – на горло не бери, говори спокойно, тихо, но уверенно. Чувствуешь свою правоту – при до конца и не давай заднюю, здесь ценится умение за себя постоять. И еще, не садись ни с кем играть – игра здесь самое страшное зло. Тут есть такие спецы, что простым арестантам в игре с ними абсолютно ничего не светит, а если ты проиграешься и не отдашь долг – то это будет конкретный косяк, и ответить за него можно очень серьезно. Еще немного об игре – есть одна хитрая штука, некоторые умники могут предложить тебе сыграть на просто так, так вот запомни: «просто так» – это жопа, и поэтому тебе в этом случае предлагают сыграть на твою задницу. Проиграешь – потребуют расплатиться. На твою задницу они, конечно, вряд ли покусаятся – это делается обычно чтобы поучить лохов, но откупного потребуют такого, что мама не горюй. Ну, с крысятниками и суками, которые работают на ментов, я думаю, ты и сам понимаешь, что здесь случается...

Егор кивнул, а потом все же поинтересовался.

– Витос, я, наверное, чего-то не понимаю. Здесь же многие люди сидят именно за кражи и разбои, и что – они в камере совсем не воруют, и ни у кого ничего силой не отнимают?

– Не в камере, а в хате – поморщился Витос, и, взяв в руки немного остывшую кружку с чифирем, блажено причмокнув, отхлебнул из нее густого пахучего варева.

– Привыкай, ты же не мент, чтобы хату камерой называть. А то, что пацаны воруют на воле – так это конкретно их жизнь и не тебе их судить. Обокрасть или выставить на бабки лоха

– на воле это не в падлу. В падлу красть у своих, и за это конкретно спросить могут как с гада. А насчет того, чтобы забрать что-то у кого-то силой – это вообще беспредел. Чисто развести фуцана по понятиям – это да, если лох тебе сам все отдал, то это абсолютно нормально, а силой отнимать у него ничего нельзя. Тут в доме все равны, и никто ни у кого ничего отобрать не может, хотя, конечно, по разному бывает... Есть и беспредельные хаты, и козлятники, и пресс хаты, где и не такое может произойти, но за все это могут всегда спросить, не сразу – так позже...

– А кто за все это может спросить, администрация? – снова спросил Егор, отрицательно покачав головой, в ответ на безмолвное предложение Витоса сделать глоток из кружки.

– Да какая там администрация! Еще бы мусора в наши дела не лезли – возмутился Витос.

– То есть, они конечно лезут и козни еще те строят, но на правильной тюрьме, на самом деле все решает смотрящий – вор или положенец. Именно смотрящий решает все споры, и следит за тем, чтобы в доме или на зоне не было беспредела и все было по справедливости. Кроме того, в каждой хате есть свой смотрящий, который смотрит за порядком в этой конкретной хате. Когда нулевик заходит в хату, смотрящий определяет ему место и в ставит его в курс местных порядков, чтобы первоход по незнанке не упорол косяка. Дальше все будет зависеть уже от самого человека, как он себя покажет и к кому прибьется. Кроме смотрящих, в Дому и на зоне всегда есть блаткомитет, состоящий из самых авторитетных бродяг и отрицал. Они и поддержат смотрящего, и помогут ему держать в доме порядок. Если в какой-то из хат творится беспредел, то спросить за это могут не только с конкретных беспредельщиков, но и с остальных арестантов, которые не подняли голос за справедливость. За это сминусовать могут целую хату, и тогда все, кто в ней находились, будут подлежать репрессиям, куда бы потом их судьба не закинула. В этом мире ничего не скроешь, малявы пойдут по всем зонам и пересылкам и рано или поздно вся правда о любом арестанте станет известна. Здесь все друг у друга постоянно на виду, поэтому вся гниль быстро выявляется и становится известной...

Вечером кормушка снова открылась и грубый голос баландера прервал тихий разговор Егора и Витоса.

– Жрать будете?

– А че там у тебя? – мгновенно вскинулся Витос.

– Как обычно, по вечерам в нашем заведении подают омаров и лобстеров с соусом бешамель под белым вином – осклабился баландер, блеснув золотой фиксой во рту.

Это был наглый тощий тип с зализанными сальными волосами неопределенного цвета и неприятной прыщавой рожей землистого цвета.

– Ну тогда давай сюда своих омаров – весело хохотнул Витос и первым подошел к кормушке, взяв в руки мятую алюминиевую шлемку с супом.

Егор подошел к кормушке вторым, и тотчас получил точно такую же шлемку, наполненную серой неаппетитного вида парующей жижей и к ней пару небольших кусочков черного хлеба. Озадаченно посмотрев на ехидно уставившегося на него баландера, он вежливо спросил у него:

– А как это есть? Нам же еще и ложки нужны.

– Свои надо иметь.

– Так нету же.

– А нет, так и хлебай прямо из миски, на всех вас ложек не напасешься – нагло ощерившись, ухмыльнулся тот.

Егор кинул свой хлеб в шлемку с отвратного вида жижей и мгновенно прихватил освободившейся рукой баландера за кадык. Притянув этого типа к двери поближе, Егор тремя пальцами крепко сжал его адамово яблоко и тихо прошипел глядя ему прямо в глаза.

– Ты мне так не отвечай, паскуда, а то я тебе быстро кадык вырву, ты даже пикнуть не успеешь. Понял?!

Баландер, выпучив от боли и ужаса свои блеклые глаза, захрипел и уронил половник в емкость с супом.

– Я спрашиваю, понял?! – немного усилил нажим Егор.

Тот, не в силах произнести что-то осмысленное, только быстро захлопал глазами, давая понять своему мучителю, что уже усвоил урок.

– Тогда быстро давай сюда две ложки и проваливай...

Прыщавый хмырь за дверью изогнулся и откуда-то из-за спины вытащил две блестящие алюминиевые ложки, угодливо протягивая их Егору.

– Вот так, а теперь можешь идти. – Егор, взяв обе ложки, отпустил кадык прыщавого и пошел к шконке, откуда за ним с неподдельным интересом наблюдал Витос.

– А ты, Егор, здесь, я вижу, не пропадешь – восхищенно протянул он, с благодарностью взяв одну ложку – самое главное – сильно не зарывайся, а так ты все правильно сделал.

Егор поставил шлемку на шконку, и отошел к раковине. Тщательно промыв свою ложку под холодной водой, он только пожал плечами.

– Да чего тут особенного, просто поставил этого хмыря на место.

– Да не скажи, правильно поставить на место – это тоже надо суметь – покачал головой Витос.

– Баландеры, это не особо неуважаемые арестанты, отбывающие мелкие сроки и сумевшие, подмазавшись к хозяину, остаться в Доме качестве хозобслуги. Обычные арестанты их всячески задабривают, чтобы получить пайку получше, или чтобы они передали из хаты в хату маляву, или там коня, вот они и ставят из себя невесть что. Блатных баландеры, правда, побаиваются, а те их ни во что не ставят, справедливо считая кумовскими шнырями. В тебе он сразу распознал первохода, вот и повел себя неаккуратно, за что и поплатился...

– На меня где сядешь, там и слезешь – пробурчал себе под нос Егор и зачерпнул полную ложку варева из своей миски. Попробовав, он тут же едва не выплюнул все обратно – на вкус это было еще хуже, чем с виду.

– Как такое можно есть?

– Что, не нравится? – понимающе ухмыльнулся Витос, с аппетитом уплетавший свою порцию баланды.

– Это с непривычки. Поначалу оно, конечно, с души воротит, но через недельку будешь жрать так, что за уши не оттащишь...

Егор, по выработавшейся за многие годы привычке, проснулся рано утром. Все тело ломило, как будто его долго били чем-то тяжелым, и в этот момент он чувствовал себя гораздо хуже, чем вчера, когда его только водворили в ИВС. Сон на холодной стальной шконке – это не самый лучший способ отдохнуть и набраться сил. Сейчас к его душевным переживаниям добавилась еще и ломота в затекшем от неудобной позы теле. Ночью он спал скрюченным в три погибели, чтобы хоть как-то сохранить остатки неумолимо уходящего из тела тепла. Из одежды на нем были только серая майка без рукавов, и тонкие черные джинсы. Все его личные вещи остались в сумке, изъятой у него вовремя обыска, и теперь Егор очень жалел, что не захватил оттуда хотя бы легкую ветровку, с которой ему было бы намного легче пережить эту, как ему показалось, бесконечную ночь. Сверху стонал и беспокоило ворочался Витос. Когда он поворачивался, стальные пуговицы его джинсовой куртки противно скребили по металлу шконаря.

Егор сделал над собой усилие и, обувшись в свои кроссовки без шнурков, тихонько встал. Он подошел к раковине и, преодолев брезгливость, стал умываться тепловатой ржавой водой, текшей тоненькой струйкой из проржавевшего крана. После этого он тщательно почистил пальцем зубы и прополоскал горло. Стало немного лучше. Егор взглянул на сокамерника, который

спал на своем месте, отвернувшись к стенке и свернувшись в клубок. Чтобы свет лампочки не бил в глаза, Витос натянул свою джинсовую куртку на самую голову и результате сильно задранная вверх куртка оголила его молочно-белую спину с реденькими рыжими волосами.

Егор отвернулся и стал потерянно и бесцельно бродить взад-вперед по камере. Пять шагов – четкий поворот кругом, следующие пять шагов – и снова поворот. Монотонная ходьба выгоняла из распухшей от долгих и печальных размышлений головы малодушные и дурные мысли. Перспективы на будущее были довольно туманны, но, судя по всему, хорошего впереди ничего не предвиделось. Вскоре Егор, чтобы разнообразить свою однообразную ходьбу, начал делать при повороте прямой удар рукой, потом, немного придя в тонус, он стал бить короткими сериями рук при самой ходьбе, а потом подключил к сериям еще удары коленями и локтями. Постепенно разогревшись, он скинул с себя майку и джинсы, и, оставшись в одних трусах, стал работать, выкладываясь уже на полную. С каждым новым движением неведомая сила, как магнитом, высасывала из него отчаяние и безнадегу, наполняя его тренированное тело привычной тугой силой и волшебной легкостью. Чтобы его ни ждало впереди, он не сдастся, он все вытерпит и пройдет достойно свой путь до самого конца. Он – каратила и останется им, где бы он ни оказался, и чтобы там с ним не произошло! Делай, что должен, и пусть все будет – как будет...

Войдя в раж, Егор отработал так более часа, вспотев при этом, как будто его из ведра окатили. Наконец, остановившись, он бросил быстрый взгляд на спящего соседа. Тот все так же лежал, накрывшись своей курткой с головой, но теперь его стала бить мелкая дрожь.

– Слышь, Витос, с тобой все нормально? – Егор подошел к шконке и аккуратно тронул дрожащего парня за плечо.

– Ничо, все нормалек, братуха. – тихо просипел Витос – Ты не обращай внимание, у меня это скоро пройдет, я тут еще полежу и оклемаюсь потихоньку.

Егор пожал плечами и отошел к умывальнику. Намочив свою майку, он стал обтирать тело влажной тканью, смывая с себя липкий пот. Едва он успел привести себя в порядок и натянуть джинсы, как в коридоре за дверью послышался шум отпираемых дверей и громкие голоса.

– Проверка – просипел Витос сверху – сейчас мусора и к нам зайдут.

И точно, через несколько минут дверь открылась, и в камеру вошел незнакомый здоровяк-капитан с квадратной челюстью и холодными как льдинки глазами, и давешний сержант. Пока снаружи гремел отпираемый засов, Витос успел спрыгнуть со своего места, и теперь, придерживаясь за плечо Егора, стоял с ним рядом.

– Ты – жесткий узловатый палец капитана уткнулся в грудь Витоса.

– Задержанный Ганеев Виталий Сергеевич, статья...

Капитан сверился с листком бумаги и перевел требовательный взгляд на Егора. Тот замешкался, еще не зная, что ему дальше делать, а потом, после толчка Витоса, нехотя произнес:

– Задержанный Андреев Егор Васильевич, статья...

Пока капитан выслушивал обитателей камеры, сержант бегло осмотрел все помещение, особо задержавшись около зарешеченного окна, а потом кивнул старшему – мол, здесь все в порядке.

Капитан криво ухмыльнулся и неожиданно, без размаха, коротко и мощно ткнул Егора снизу вверх своим правым кулаком прямо в солнечное сплетение.

– Это тебе наука, чтобы в следующий раз ты меньше телился. – беззлобно сказал он при этом.

Егор, заранее уловив его движение, успел напрячь пресс, и поэтому, отлетев от сильного удара чуть назад, он остался стоять на ногах. Мощный удар, пришедшийся в самую душу, почти пробил ему пресс, но Егор из гордости не подавал виду дерзко глядя прямо в холодные голубые глаза капитана.

– Ух ты, какие мы крутые – весело ухмыльнулся тот – что, боксом занимался?

– Нет, каратэ – спокойно ответил ему Егор.

– Ну что же, каратист, на первый раз тебе прощаю заминку – внезапно подобрел капитан, его глаза чуть оттаяли – уважаю спортсменов – эти, в отличии от блатных, хотя бы чем-то полезным в жизни занимались.

Капитан круто развернулся и, сопровождаемый подбострастным сержантом, вышел прочь из камеры.

– Блин, повезло тебе – Витос обессилено сел на шконку и, закрыв глаза, прислонился спиной к бетонной стене – могли бы и отхерачить по полной, чисто для профилактики.

– За что?

– А хотя бы за то, ты что не упал с первого удара – устало пояснил ему Витос – Менты, они любят свою силу и крутость показать, и если ты начинаешь кобениться, то у них сразу появляется чисто спортивный интерес тебя поломать.

– Ладно, понял. – Егор посмотрел на мертвенную бледность соседа и предложил ему – Слышь, Витос, я смотрю, ты что-то совсем разболелся. Ты ложись на мою шконку, чего тебе постоянно вверх-вниз прыгать.

– Ага, душевно, братуха – поблагодарил тот, и подтянув обе ноги к животу, тотчас улегся на боковую, снова отвернувшись к стене.

* * *

По залитым августовской жарой пыльным улицам Владикавказа вальяжно катился черный пятисотый «мерседес» спорт-купе. Внутри, наслаждаясь приятной музыкой и благодатной прохладой, лившейся из дефлекторов тихо шелестящей установки климат-контроля, в роскошных кожаных креслах нежились двое молодых парней возрастом немного за двадцать. За рулем находился сухощавый смуглый молодой человек с немного вьющимися густыми черными волосами, одетый в строгие черные брюки и расстегнутую на две пуговицы белую рубашку с коротким рукавом. Его жилистую шею обвивала толстая золотая цепь, а на тонких холеных руках, лежавших на обтянутом кожей тугом бублике руля, явно выделялись набитые многолетними тренировками костяшки кулаков. Рядом с ним, небрежно развалившись на откинутах назад сидении, дремал коротко стриженный светловолосый парень с гибкой мускулистой фигурой, одетый в дорогой спортивный костюм. Мощная шея, крепкие запястья и поломанные уши указывали на явное борцовское прошлое этого здоровяка. Свернув с центральной улицы на второстепенную дорогу, водитель «мерседеса» затормозил на красный свет светофора и пристально посмотрел на своего спутника.

– Послушай, Валеха, я решил продать этот «мерин», – он звонко хлопнул ладонью правой руки по рулю – и даже уже нашел на него покупателя.

– Угу – парень в спортивном костюме на секунду приподнял голову, открыл глаза и изобразил внимание, а потом тут же упал обратно в мягкие подушки кресла.

– Нет, ты меня послушай, а не делай вид. – трогаясь с места на загоревшийся зеленый свет, худощавый тихонько толкнул спутника в бок локтем – Я хочу, наконец, решить вопрос со свадьбой. Сам знаешь, мы с Алиной встречаемся уже пять лет, пора уже перестать морочить девчонке голову и наконец жениться на ней.

– Марик, ну так женись, если тебе так хочется, а этот «мерин» то тут причем? – наконец преодолел апатию и снова поднял голову Валеха.

– А при том. – терпеливо ответил ему Марик, аккуратно прижимая машину бордюру.

– Куда я приведу свою молодую жену? К себе в маленькую двушку, в которой я живу вместе с мамой и бабушкой?!! Ты себе это представляешь?

– Ну да – понимающе кивнул Валеха, сладко потягиваясь на своем сидении.

– Правильно говорят, что на одной кухне даже две хозяйки плохо уживаются, а три уж точно ни за что не уживутся.

– Тем более, что Алина кабардинка, – подхватил Марик.

– А ты сам знаешь, что мои на это косо смотрят. Они и так меня постоянно пилят, что я не нашел себе невесты среди наших девчонок. Если я приведу Алину к себе домой, то у них с ней обязательно начнутся всякие трения, а мне это совсем не нужно. Поэтому я и хочу купить себе отдельную квартиру, чтобы нам вместе с Алиной, было где жить. Как говорится, чем дальше ты живешь от родных, тем они больше тебя любят.

– Ну ты, конечно, смотри сам – с деланным безразличием пожал плечами Валеха.

– «Мерин»-то этот на кредитные деньги куплен, а кредит сейчас полностью повис на Каратиле, поэтому, по большому счету, это чисто ваши с ним дела.

– Ну, с Егором мы все в последнем разговоре уже решили – кисло улыбнулся Марик.

– Он сам вышел из нашей бригады, признав, что его доли в нашем общаке нет, а мы за это закроем его проблемы с банковской крышей, если она на него наедет.

– Ага, как же – скептически хмыкнул Валеха— мы-то, конечно, закроем...

– Ну а что тут такого? – не принял его тона Марик.

– Мало ли мы, что ли, вопросов с разными бригадами разрулили за последнее время? Одним больше – одним меньше. А отдавать банку за долги этот «мерин» – нет уж, увольте!

– Ладно, там посмотрим. А сам Егор куда делся, чего-то я его давненько уже не видел?

– Да я краем уха слышал, что он, вроде, к Беко подался, и теперь торгует его водкой, где-то на выезде. Стоило строить из себя целку и выходить из общака, чтобы в конце концов заделаться обычным торгашом.

– Да он всегда был малахольный – сверкнул золотым зубом Валеха.

– Вечно его на коммерцию тянуло. Ну разве путевый пацан такой фигней станет заниматься? Он бы еще лифчиками на базаре встал торговать. Ладно, хрен с ним. А если чисто по делу, то я, честно говоря, думал, что мы бабки за этот «мерс» пустим на закупку новой партии темных машин в Москве. А то как-то нехорошо получается, вроде бы у нас общак, а «мерин» ты продаешь на личные цели. Я-то тебя пойму, а вот остальные пацаны могут и обидеться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.